
Оливер Вейн
Одна судьба из "Эдема"
Генри Сол

Генри Сол

Оливер Вейн: одна судьба из "Эдема"

https://litres.ru/74777453
SelfPub; 2026

Аннотация

Он ползёт по раскалённому песку Невады, сжимая в кулаке стальную гайку. У него нет воды, нет сил и нет кожи, способной выдержать солнце. Только звериная ломка по цифровому раю и воспалённый нейропорт на затылке.

Пока Оливер Вэйн преодолевает этот путь, его память то и дело проваливается в прошлое. Туда, где он сам, шаг за шагом, отдавал себя «Эдему». Первый обруч, сделавший учёбу не трудом, а удовольствием. Первые сессии, после которых реальность казалась серой. Отказ от собственного тела, которое требовало еды, сна и причиняло боль.

В настоящем он ищет брата, чтобы тот вернул его обратно в рай. В прошлом — вспоминает, как добровольно превратился в «овощ». Он ещё не знает, что рая больше нет. А настоящая свобода всегда начинается с боли.

Содержание

Глава 1. Триллион пикселей 5
Глава 2. Сессия 11 482 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Генри Сол
Оливер Вейн: одна судьба из "Эдема"

Оглавление

1. Триллион пикселей — день 1
2. Сессия 11 482 — день 2, первая зарубка
3. Край свалки — день 3, вторая зарубка
4. Сорока — день 4, третья зарубка
5. На буксире — день 5, четвёртая зарубка
6. Слепой контур — день 6, пятая зарубка
7. Белый комбинезон — день 7, шестая зарубка
8. Наковальня — ночь 7-го дня, седьмая зарубка
· Эпилог. Гайка — утро

Глава 1. Триллион пикселей

Озеро было тёплым.

Оливер стоял по колено в воде. Рядом, на берегу, сидела мать — на одеяле, с корзиной в руках. Она улыбалась. Натан лежал на спине, жевал травинку, смотрел в небо. Отец стоял у кромки воды, закатал штанины, держал удочку.

— Клюёт? — спросил Оливер.

— Пока нет, — сказал отец. — Но клюнет.

Оливер вышел на берег. Сел рядом с матерью. Она протянула ему яблоко — гладкое, красное, идеальное. Он кусил. Звук был правильный — хруст. Но вкуса не было. Оливер знал, что яблоко должно быть сладким. Поэтому кивнул.

— Вкусно, — сказал он.

Мать улыбнулась.

Натан вскочил. Схватил удочку. Забросил. Поплавок плыл по воде — ровно, красиво. Через минуту дёрнулся.

— Поймал! — закричал Натан.

Он тянул. Удочка гнулась. Леска натягивалась. Рыба вылетела из воды — серебристая, блестящая. Она не билась. Не сопротивлялась. Просто висела на крючке и блестела.

Отец хлопнул Натана по плечу.

— Молодец, сын.

Натан засмеялся. Мать засмеялась. Оливер засмеялся тоже.

Потом они играли в мяч. Отец бросал — сильно, но так, чтобы Оливер поймал. Оливер ловил. Натан ловил. Мать ловила. Все ловили. Никто не промахивался.

Солнце садилось. Два солнца. Небо оранжевое. Они сидели на одеяле, смотрели на воду. Мать прижималась к отцу. Натан прижимался к матери. Оливер прижимался к Натану. Все вместе.

— Хорошо, — сказала мать. — Как хорошо, что мы вместе.

— Мы всегда будем вместе, — сказал отец.

Оливер закрыл глаза. Ему было тепло. Спокойно. Хорошо.

Потом небо мигнуло.

Это было коротко — одна секунда. Вместо заката, вместо двух солнц — серая полоса. Плоская, пустая.

И голос. Не за краем неба — в небе. Ровный, служебный:

— Сессия 11 482 завершена. Симуляция недоступна.

Оливер открыл глаза.

— Нет, — сказал он.

Мать улыбалась. Натан жевал травинку. Отец смотрел на воду.

— Нет, — сказал Оливер громче. — Подождите. Я не...

Серая полоса росла. От горизонта к горизонту. Всё, чего

она касалась, исчезало. Озеро. Трава. Одеяло. Мать. Отец. Натан.

Оливер смотрел на них, пока они не растворились. Он хотел закричать. Но голоса не было.

Потом погас свет.

Он не сразу понял, что это темнота. Не сон. Не «Эдем». Просто ничего. Ни тела, ни мыслей. Провал.

Он не знал, сколько прошло. Может, час. Может, год. Времени не было. Была только темнота — плотная, беззвучная, без запаха.

А потом — голос. Не за краем неба. Прямо в голове. Ровный, служебный:

— Автономный цикл завершён. Долгосрочное хранение недоступно. Рекомендовано: соматический анабиоз. Подтвердите.

Оливер не видел ничего. Но он слышал. И он понял: это не «Эдем». Это снаружи. Система. Настоящая.

И тогда он вспомнил.

Он вспомнил, как сам это построил. Как сидел за терминалом — давно, в детстве, — и создавал озеро. Траву. Небо. Как отец говорил: «Ты — бог. Но не сразу». Как он строил мать — из света, из памяти, из того, как она выглядела, когда лежала с закрытыми глазами. Как строил Натана — с улыбкой, без сыпи. Как строил отца — с удочкой, с закатанными штанинами.

Он знал, что это «Эдем». Знал всегда. И ему было всё равно. Потому что там они были вместе.

А теперь его отняли.

— Подтвердите, — повторил голос.

— Нет, — сказал Оливер.

Пауза.

— Подтвердите отказ.

— Я не хочу в анабиоз. Голос дрогнул на самом слове. — Я хочу... я хочу обратно.

— «Эдем» недоступен. Симуляция свёрнута.

— Тогда... — он замолчал. Потом спросил: — А мама? Она... она в «Эдеме»?

— Марта Вэйн. Статус: оптимальный отдых. Рекомендовано: не активировать.

— А папа?

— Дэвид Вэйн. Статус: длительное хранение. Приоритет пробуждения: не определён.

— А Нат?

Пауза. Долгая.

— Натан Вэйн. Статус: активный брак. Район поиска: Devils Hole. Поиск приостановлен.

Оливер молчал.

Он не понимал слова «активный брак». Не знал, где Devils Hole. Не знал, что значит «поиск приостановлен». Но он понял главное: Нат не в системе. Нат — снаружи. Нат — живой.

Он лежал в темноте и думал об этом. Долго. Может, минуту. Может, час. Мать — «оптимальный отдых». Отец — «длительное хранение». Оба в системе. Оба спят. И если он согласится на анабиоз — он станет как они. Ляжет. Закроет глаза. И не проснётся.

А Нат — снаружи. Живой. Единственный, кто не спит. Единственный, кто может знать, как вернуть «Эдем».

И тогда поднялась злость. Не страх. Не жалость. Злость. Они отняли у него его мир. Не чужой — его. Тот, который он строил своими руками. Тот, где он был богом. Они выключили его, как лампу. И предложили анабиоз — как будто он согласится лечь в темноту и не проснуться.

Он не согласится. Он найдёт Натана. Он вернёт «Эдем». Или он умрёт на камнях, но не ляжет.

— Я не хочу спать, — сказал он.

— Подтвердите отказ.

— Я не хочу... как они. Он выговорил это с усилием. — Я не хочу лежать. Я хочу... к Нату.

— Отказ зафиксирован. Статус: отказник. Запуск транспортировки.

Голос замолчал. Темнота стала плотнее. Потом — удар. Не боль. Просто толчок. И Оливер провалился.

Он проснулся от того, что его трясло.

Он лежал в капсуле. Гель был холодным. Стекло — треснувшим. Он видел через трещину серое помещение, ряды капсул, металлические стены. Транспортировщик ехал.

Блок 412 и остальные — под консервацию. Тех, кто не выходил из сети, грузили в капсулы длительного хранения. Отказников вывозили за периметр. Куда — не говорили.

Он попытался пошевелиться. Тело не слушалось. Ноги были чужими. Руки дрожали.

Потом транспортировщик остановился. Манипулятор поднял капсулу — целиком, вместе с Оливером внутри, — и сбросил на камни.

Удар был коротким. Стекло треснуло — от центра к краю, паутиной. Замок щёлкнул. Крышка отошла на дюйм.

Оливер лежал в геле и смотрел через трещину. Ветер гнал пыль. Где-то далеко белела стена — Вегас. Рядом — другие капсулы. Разбитые. Целые. С людьми внутри.

Он толкнул крышку. Она не поддалась. Он толкнул сильнее — ладонями, плечом, всем телом. Стекло треснуло ещё раз. Крышка отошла.

Он вывалился на камни. Гель стекал с него лужами. Он лежал на боку и дышал. Холодный воздух. Сухой. С запахом пыли и соли.

Он посмотрел на свои руки. Тонкие. Как ветки. Кожа да кости. Рёбра проступали под комбинезоном. Он попробовал сжать пальцы в кулак. Получилось. Медленно, с болью. В правой — гайка. Тяжёлая. Холодная. С косой гранью. Пальцы сжимались вокруг неё сами — судорожно, неконтролируемо, как будто хватали воздух. Он не помнил, как она там оказалась. Но они держали. Крепко.

Он посмотрел на свои ноги. Тонкие. Бледные. С зеленоватым оттенком. Он попробовал согнуть колено. Не получилось. Попробовал ещё раз. Нога дёрнулась — и осталась лежать.

Он поднял руку и коснулся затылка. Там было что-то тяжёлое. Тёплое. Воспалённое. Порт. Металлический, с острыми краями. Из него сочилась сукровица — он почувствовал её на пальцах, липкую, тёплую. Больно.

Он поднял голову.

Свалка была большой — но не бесконечной. Ряды капсул тянулись вдаль, распадаясь на группы: здесь кучка разбитых, там — целых, между ними — пустые участки, засыпанные пылью. Ветер гнал по камням сухую соль. За свалкой, у самого горизонта, стояла белая стена — Вегас.

А между капсулами — люди.

Их были сотни. Может, тысячи. Они сидели на камнях, лежали, ползли. Некоторые не двигались. Некоторые скребли стекло изнутри — царап, пауза, царап. Некоторые выбрались и теперь лежали на камнях, глядя в небо. Их глаза были открыты. Они не моргали.

Оливер смотрел на них. Долго.

Он хотел подойти. Спросить, где они. Что случилось. Как выбраться. Но что-то держало его на месте. Не страх перед ними. Страх перед собой. Он видел женщину, которая рас-

качивалась. Видел мужчину, который не моргал. Видел старика, который шептал «верните». И понимал: если он останется здесь — он станет таким же. Будет сидеть на камнях и ждать, пока «Эдем» вернётся. Будет раскачиваться. Будет шептать.

Их было слишком много. Он не мог помочь всем. Он не мог помочь никому.

Он перевёл взгляд на свои руки. В правой — гайка. Всё та же. Пальцы держали. Крепко. Судорожно.

Он сжал её. Больно. Настоящая.

Он пополз.

Сначала — на коленях. Потом — на четвереньках. Локти резались о камни, колени сдирались о щебень. Он останавливался каждые несколько футов, чтобы перевести дыхание. Ноги не держали. Руки дрожали. Он полз от кластера к кластеру — иногда приходилось огибать целые капсулы, они стояли плотно, как стена. Он терял время. Но не останавливался.

Он полз к холмам — туда, где за солончаками был Devils Hole. Туда, где был Натан.

Он полз долго. Или недолго. Он не считал. Потом ноги подкосились окончательно. Он упал на бок. Попробовал подняться. Не смог.

Он лежал на камнях, сжимая гайку в кулаке, и смотрел, как над горизонтом поднимается солнце. Красное. Большое. Настоящее. Он смотрел на него — и зрачки не сужались. Слишком расширены. Как будто всё ещё в темноте.

— Нат, — сказал он тихо. — Ты же... ты же умеешь подключать...

Голос сорвался. Мир поплыл. Он закрыл глаза.

Глава 2. Сессия 11 482

Он проснулся от холода.

Не от боли. Не от голода. От холода. Он лежал на боку, поджав колени к груди, и чувствовал, как холод забирается под комбинезон — в рукава, за ворот, в ботинки. Гель на ткани застыл и стал жёстким, как крахмал.

Оливер открыл глаза.

Было темно. Не как в капсуле — не плотно и мокро, — а по-другому. Сверху было небо. Чёрное, с редкими звёздами. Ветер шёл по камням, тащил пыль. Где-то далеко, у горизонта, белела полоса — стена Вегаса. Она не светилась. Просто белела в темноте, как кость.

Он попробовал пошевелиться.

Пальцы слушались. Руки — плохо. Ноги — нет. Он согнул колено — оно дёрнулось и осталось лежать. Попробовал ещё раз. То же самое.

Он сел. Медленно, с трудом, опираясь на локоть. В голове

зашумело, по краям зрения поплыли тёмные пятна. Он переждал. Потом посмотрел на свои руки.

В правой — гайка. Пальцы сжимали её сами — судорожно, неконтролируемо. Он попробовал разжать. Не сразу получилось. Пальцы не хотели отпускать. Как будто гайка была единственным, за что они могли держаться.

Он огляделся.

Свалка тянулась во все стороны — группами, кластерами. Разбитые капсулы. Целые. Треснувшие. Ветер гнал по камням сухую пыль. Где-то скребли стекло. Царап. Пауза. Царап.

Он посмотрел на свои ноги. Тонкие. Бледные. С зеленоватым оттенком. Он взял правую ногу руками и попробовал согнуть. Колено поддалось — с трудом, с хрустом. Он поставил ногу на камень. Потом левую. Потом опёрся на руки.

Он стоял. Точнее — висел, держась за край разбитой капсулы. Ноги дрожали. Колени подгибались. Но он стоял.

Он сделал шаг. Нога подвернулась. Он упал на колени. Камень впился в ладони. Больно.

Он пополз.

Ползти было легче, чем идти. По крайней мере, руки работали. Он подтягивался на локтях, волочил ноги, останавливался, чтобы перевести дыхание. Локти резались о щебень. Колени сдирались. Он не останавливался.

Он полз между капсулами. Иногда они стояли так плотно, что приходилось искать щель.

К полудню он понял, что хочет пить.

Горло пересохло так, что он не мог сглотнуть. Язык был сухим, как камень. Он попробовал собрать слюну — не получилось.

Он заполз в ближайшую разбитую капсулу. Стекло треснуло, крышка отошла. Внутри ещё оставался гель — мокрый, холодный.

Он запустил руку в гель. Пошарил. Нашёл трубку — толстую, прозрачную. Потянул. Она вышла с чавканьем. На конце была мутная капля.

Он поднёс к губам. Капля упала на язык. Горькая. Химическая. Но влажная.

Он поискал ещё. Под трубкой был резервуар — небольшой, пластиковый, с завинчивающейся крышкой. Он открыл. Внутри был гель — густой, серый. Питательный.

Он зачерпнул пальцами. Поднёс ко рту. Проглотил. Желудок скрутило. Он переждал. Потом зачерпнул ещё.

Рядом, в углублении у стенки капсулы, лежал аварийный набор — плоская металлическая коробка. Он открыл. Внутри была фляга — помятая, алюминиевая, с облупившейся краской. И два гель-пакета — прозрачные, с серой жидкостью.

Он открыл флягу. Внутри была вода. Немного — на два глотка. Он выпил половину. Остальное закрыл.

Он сжал флягу. Металл холодил ладонь.

Теперь у него было чем ползти.

Солнце поднялось. Потом стало жарко. Потом жарко ста-

ло невыносимо. Он полз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.